

Записки бывшего шульмейстера из Дителя Иоганна Каспара Бат(т)а (1769-1834)

Вместо предисловия

Забегая вперед, отмечу, что записки шульмейстера Бат(т)а опубликованы в газете „Deutsche Volkszeitung“, к великому сожалению, не в полном объеме. В дошедшем до нас тексте опущены Манифест от 22 июля 1763 года и приложения к нему, нет также описания торжественного открытия Саратовской консистории с последующими празднествами. Но об этом можно узнать из других источников, поэтому опущения эти никак не сказываются на ценности газетной публикации.. Неопубликованные разного рода заметки шульмейстера, к сожалению, уже не восполнить. Полагаю, что они были бы нам сегодня очень даже интересны.

Для многочисленных потомков семейства Бат(т)ов особенно печально и больно будет узнать, что в газетном варианте они не найдут данных о рождениях, крещениях, восприемниках, венчаниях, смертях и т. п., по крайней мере, первых двух поколений. Касается это в некоторой степени и нашего семейства, так как брат моего дедушки, учительствовавший в 1920-х годах в колонии Дитель, был женат на Элизе, урожденной Бат(т) из Дителя (венчались они 28 мая 1918 года в евангелическо-лютеранской церкви в Камышине).

Но зато форумчане найдут список первопоселенцев Дителя с указанием мест выхода. Их небезынтересно будет сравнить со списками, опубликованными Игорем Рудольфовичем Плевем. Да и все остальное, уверяю, очень познавательно и интересно.

Весь манускрипт может найтись в архиве газеты „Deutsche Volkszeitung“, если таковой вообще существует и если была сделана копия.

Я, однако, придерживаюсь версии, что записки, как и другой ценный исторический материал, в том числе и списки первых поселенцев всех материнских колоний на Волге, которые Дитц старший извлек из Пензенского архива и, перешедшие в наследство его сыну, попали в руки начальника отдела юстиции исполкома Трудовой Трудовой Коммуны Области немцев Поволжья, в котором работал и Дитц младший. Известно, что бежав в 1923 в Латвию, начальник этот прихватил с собой дитцевские списки первопоселенцев и что руководство немецкой автономии на Волге в 1920-х годах безуспешно пыталось реституировать этот ценный материал. Пометки на сей счет я сделал в свое время в бывшем Саратовском партийном архиве (ныне ГАНИСО).

Приятного всем чтения сделанного мной русского перевода записок.

Виктор Гердт, 29 июня 2023 г.

Из прошлого

Записки бывшего шультейстера из Дителя Иоганна Каспара Бат(т)а (1769-1834)

Манускрипт записок находится в собственности бывшего депутата Государственной Думы, г-на Якова Дитца. Приобрел он манускрипт у одного из жителей Дителя и любезно предоставил его наряду с иным ценным материалом по истории немцев Поволжья редакции газеты „Deutsche Volkszeitung“.

Автором записок является Иог. Каспар Бат(т), с 1796 по 1812 год шультейстер в своей родной колонии Дитель. Время же написания относится к 1829 году, или году его шестидесятилетия. В этом своем скромном сочинении он предстает перед нами простым благонаправленным, крестьянского склада человеком с острым взглядом на историю, который незатейливым и неподдельным языком и, как он сам выражается, «не следуя тонким правилам орфографии» рисует для своих детей, чтобы помнили, картину давно минувшего былого. Тем самым он как бы направляет луч света на времена наших пращуров, озаряя то, что для нас оставались во тьме и неизвестности. И мы сегодня благодарны этому благонаправленному свидетелю прошлого, останки которого давным-давно нашли покой в могиле, за его исторические записки, пусть и написанные безо всякого «орфографического лоска».

Что же касается их более детального содержания, то они 1) содержат на страницах с 1 по 14 краткую биографию автора и в придачу еще подробнейший список его многочисленного потомства с данными о рождениях, крещениях, восприемниках, венчаниях, смертях и т. п.; 2) на страницах с 17 по 19 следует список всех семей-первопоселенцев дителевской общины с указанием мест их выхода; 3) на стр. с 20 по 29 Манифест императрицы Екатерины II от 22 июля 1763 года в адрес иностранцев с приглашением их переехать в Россию, а также реестр отведенных к поселению еще свободных в России земель; 4) на страницах с 29 по 32 прибытие первопоселенцев Дителя на новую родину и описание хозяйственной и церковной жизни общины в первые десятилетия; 5) на страницах с 32 по 40 описание торжественного открытия Саратовской консистории в 1822 году и последовавших за этим событием синодальных днях и, наконец, 6) на последних 16 листах разного рода заметки.

Предлагая нашим читателям основные разделы этих записок, кроме Манифеста Екатерины II, в точном соответствии с оригиналом, мы хотели бы здесь же обратить внимание любителей нашей колониальной истории на подобные записки из прошлого, опубликованные несколько лет назад пастором Куфельдом в журнале „Friedensbote“ за 1900 год в номерах 10, 11 и 12 под рубрикой „Zur Geschichte der Wolgakolonien“ и за 1901 год в номерах 4 и 5: «Воспоминания из 18 столетия бывшего шультейстера Иог. Георга Меринга под общим заголовком Хронологические заметки» („Memoiren des gewesenen Schulmeisters Joh. Georg Möhring aus dem 18. Jahrhundert, betitelt: Chronologische Anmerkungen“).

I. Некоторые сведения их биографии Иоганна Каспара Бат(т)а

«Во имя Христа.

Иоганн Каспар Бат(т) родился 10 февраля 1769 года по старому стилю в немецкой колонии Олешня в Саратовской губернии. Отец мой Иоганн Георг Бат(т) родился в Верховье Рейна в местечке Bischofsheim beim Hohensteg. Мать — Agnes Eva урожд. Hirsch родилась в селении Rendel недалеко от Франкфурта на Майне в регионе Wetterau. Моими восприемниками были Johann Caspar Kuch, Johann Georg Hetzel и Barbara Klemann. Родители мои с усердием готовили меня к посещению церкви и школы и, по их разумению, привили мне любовь ко всему благонаправленному. Я тянулся к знаниям, однако тогдашнее бедственное положение в колониях приводило к тому, что часто не хватало надлежащей писчей бумаги. Но мать моя позаботилась о том, что я под присмотром школьного учителя Адольфа Крона

(Adolf Cron) ко времени моей конфирмации довольно хорошо и грамотно научился писать. К 13 годам я был конфирмован, но работа в крестьянском хозяйстве давала мне мало возможностей для упражнений в письме. Фамилия пастора, конфирмовавшего меня, была Альбаум¹ Он проповедовал закон, но жил против закона, т. к. во время конфирмации был под хмельком. Однако я должен заметить, что божий дух все же воцарился в моем бедном сердце при церемонии святого причастия.

На 19 году моей жизни, 29 сентября 1787 года, я вступил в священный брачный союз с моей дорогой супругой Катериной Маргаретой (Catharina Margaretha), урожд. Миль (Mill), после того, как 29-го нас обвенчал и благословил высокоуважаемый пастор Johann Caspar Seuffahrt². В 1796 году 29 сентября я был назначен преподобным и многоуважаемым пастором Буком³ (Buck) учителем в Олешне, где я 16 лет служил общине своими скромными познаниями.

Моя дорогая супруга родилась в 1770 году, 14 апреля, в Олешне. Ее отцом был Andreas Mill, мать Maria Magdalena, урожд. Schüppert. Отец был с Верховьев Рейна из местечка Kork, мать из франконского Tillefroth. Ее восприемниками были Catharina Rink, Margaretha Hetzel и Adam Jörger, все из Олешни. С божьего благословения мы произвели в нашем браке на свет 12 детей, девять сыновей и три дочери, имена которых и дни рождения здесь перечислены по порядку.»

Далее следует, как уже было сказано, подробный перечень его детей и внуков. Перечень этот он заканчивает стихом⁴:

От меня они унаследуют необходимую вещь,
а именно постоянный взор верующего человека,
направленного на муки агнца божьего на кресте,
взор, от которого не ускользнет любая фальшь,
и который радуется все расширяющемуся авторитету Иисуса

II. Коренные семьи колонии Дитель

Ниже следуют фамилии глав семейств, прибывших в 1767 году, 1 июля, сюда в Олешню, праздновавшие этот день на протяжении всей своей жизни и который сегодня, 61 год спустя, мы, их потомки, продолжаем чтить. И было бы хорошо, чтобы этот день, сколько будет существовать эта община, сохранился бы в памяти.

Фамилии, имена и из какой местности Германии прибыли, насколько я это помню.

1. Johannes Klemann – с верхнего Рейна близ Келя (Kehl)⁵
2. Bernharth Rikert – вюртембержец
3. Abraham Stallmann – из Пфальца
4. Johann Friedrich Tautfeus⁶ – из Пфальца
5. Conrad Ortner – из Пфальца
6. Johannes Grauberger – из Пфальца
7. Friedrich Leiterer – из Пфальца
8. Georg Kern – из Пфальца

¹ Laurentius Ahlbaum – пастор в Лесном Карамыше (Grimm) в 1782-1786 гг.

² Joh. Caspar Seiffarth – пастор в Лесном Карамыше (Grimm) в 1780-1804 гг.

³ Joh. Heinrich Buck – пастор в колонии Дитель в 1793-1798 гг.

⁴ Здесь в смысловом изложении. – Прим. переводчика.

⁵ Kell или Köln?

⁶ Или Trutfeus?

9. Gottfried Simmon – из Пфальца
10. Adam Jörger – из Эльзаса во Франции
11. Hartmann Kindsvater – из Пфальца
12. Andreas Schmidt – из Саксонии
13. Georg Kremer – из Пфальца
14. Peter Steinmetz – из Пфальца
15. Johann Georg Bath – с верхнего Рейна
16. Andreas Rink – с верхнего Рейна
17. Gotlob Pietsch – из Силезии
18. Michael Keller – с верхнего Рейна
19. Conrad Simmon – из Пфальца
20. Johannes Buch – из Пфальца
21. Andreas Urwan – из Пфальца
22. Georg Hetzel – с верхнего Рейна
23. August Tomann – из Пфальца
24. Andreas Flegler – из Франкфурта на Майне
25. Georg Adam Heilbron – из Бирмсенц⁷
26. Johann Caspar Kuch/Koch? – из Вюртемберга
27. Jakob Müller – из Пфальца
28. Gottfried Tittel – из Саксонии
29. Andreas Mill – с Верхнего Рейна
30. Wendel Bruchbacher – из Пфальца
31. Philip Hoffmann – из Пфальца
32. Sebastian Bömer – из графства Ваттенберг в Пфальце
33. Paul Müller – из Вюртемберга
34. Christian Weldy – с Верхнего Рейна
35. Jacob Engelmann – из Пфальца
36. Philip Spreuer – недалеко от Хунсрюка/Hungrück в Пфальце
37. Paul Bengel – из Пфальца
38. Johann Friedrich Knobloch – из графства Ваттенберг в Пфальце
39. Nicolaus Vogt – из Оденвальда/Odenwald
40. Heinrich Maeyer – из Вюртемберга
41. Georg Reichel – из графства Ваттенберг в Пфальце
42. Matheas Schmidt – с Верхнего Рейна
43. Gabriel Weinmeister – из княжества Ангальт Цербст
44. Jakob Keil – из Оденвальда/Odenwald
45. Jorg Jörger – из Эльзаса во Франции
46. Conrad Luey – из Дармштадта/aus dem Darmstädtischen
47. Michael Stromann – с Верхнего Рейна
48. Jacob Bruchbacher – из Пфальца
49. Christian David – из Пруссии, столицы Берлина
50. Johann Herbst – Мекленбуржец

---

⁷ Пирмасенс в Пфальце/Pirmasens in der Pfalz.

51. Adam Kuhn – из Дармштадта
52. Wilhelm Michel – из Пфальца⁸
53. Andreas Vogt – из Мекленбурга
54. Heinrich Würth – из графства Ваттенберг в Пфальце, уехал
55. Jacob Rein – из графства Ваттенберг в Пфальце, уехал
56. Conrad Lakmann – из Ганновера/aus d. Hanebrischen⁹, Imken
57. Michael Hoffmann – с Верхнего Рейна
58. Heinrich Paul Michael – из Пфальца
59. Johann Jacob Seidel – из Пфальца
60. Carl Gemnitz – из Саксонии
61. Michael Müller – из Эльзаса во Франции
62. Johannes Krämer – из Пфальца
63. Jeronimus Ruff – из Пфальца
64. Jacob Kappel – из Пфальца
65. Jacob Wambold – из Оденвальда/Odenwald
66. Conrad Schlag – из Пфальца
67. Balldien Wigner – данные в немецком оригинале отсутствуют
68. August Schlikert – данные в немецком оригинале отсутствуют
69. Johannes Foss – из Пфальца, женился уже здесь
70. Jochim Damm – из Мекленбурга

Это имена глав семей, поселенных в Олешнинскую общину в 1767 году, которых я за некоторыми исключениями еще всех знал. Они, так как я написал эту книгу в 1829 году, все уже собрались у своих отцов. Когда я написал это в знак скромной памяти о наших любимых родителях, мне шел уже 60-ый год. Само написание, пусть и с хромающей орфографией, доставило мне удовольствие вспомнить о былых временах и о наших отцах и оставить этот скромный труд на память моим любимым детям.

III. О хозяйственной и церковной жизни Дительской общины в первые годы ее существования

После того, как шультмейстер Бат(т) поместил в своих заметках Манифест Екатерины II и реестр всех в России свободных и к поселению предназначенных земель, он продолжает свое повествование и пишет:

«По приглашению этого манифеста благословенной императрицы Екатерины II первые поселенцы, наши предки, тронулись с насиженных мест в Германии в марте и апреле 1766 года. Оставив позади свое любимое отечество, они, после прибытия на судах в Бановку на Волге и выгрузки на берег, приехали в большинстве своем в Олешню 1 июля 1767 года на воловьи повозках. Насколько мне известно из рассказов старожилков и моих любимых родителей, пунктом сбора здесь было то место, которое я позже приобрел в качестве дворового для своих детей. Выгрузив свои скудные пожитки, они собрались под открытым небом и стали благодарить господ бога за счастливое сюда прибытие. С каким чувством они произнесли эту благодарность и совершили свои песнопения, можно себе легко представить. Кто-то оставил в Германии своих родителей, кто-то вынужден был во время путешествия

⁸ Затем следуют непонятные слова “ist aber nach verschuum über“ (вероятно: но исчез в через). – *Прим. переводчика.*

⁹ Hannoverischen.

навсегда распрощаться с женой или детьми из-за их преждевременной смерти, а многие прибыли сюда вообще без родителей круглыми сиротами. К тому же у них не было даже крыши над головой, под которым они могли бы спрятаться от сильного дождя, который начался вскоре после их прибытия и который насквозь измочил их скудный скарб и одежду. И им подумалось, что они подобны детям Израилевым, что на праздник святой Троицы построили себе шалаши из зелени. Необходимые продукты питания были у живших по соседству русских крестьян, которые вскоре наладили их продажу за деньги.

Первопоселенцы продолжали получать кормовые деньги от Короны, а также муку для выпечки хлеба. В первый год было построено лишь мало домов, поэтому в первую зиму большинство должно было довольствоваться землянками. Поскольку зимы в первые годы были очень морозными и многоснежными, то легко себе представить, с какой тоской иной из первопоселенцев вспоминал о своей любимой Германии с более мягким климатом. Уже в первую зиму им пришлось пережить, как двое их братьев, а именно Шликерт и Фогт замерзли по дороге из Дубовки. Тела их нашли только весной, когда сошел снег. Но по божьей милости случилось так, что при всей скудности одежды не погибло больше людей. Я еще помню, что многие из наших любимых отцов, если хотели или имели возможность выглядеть прилично, все же надевали поверх своей немецкой одежды кафтан и ехали в таком одеянии в Саратов, чтобы взять коронную муку и иметь таким образом хлеб для себя и своих детей. На втором году они получили семенной материал, и большинство наняло казаков или украинцев (Kochollen) для вспашки степи в количестве нескольких десятин, с которых собрали богатый урожай. На второй год каждый старался приобрести плуг, дополненный лемехом по немецкому образцу. Большинство пахали двумя лошадьми, но [от менее состоятельных] нетронутая целина требовала, чтобы два — три хозяина впрягали своих лошадей перед плугом [и обрабатывали землю совместно]. В крестьянском хозяйстве в то время царила бедность. Во первых людям выдали диких лошадей, во вторых кто-то в Германии не занимался крестьянским трудом и не мог обходиться с лошадьми. В третьих отчасти не ценился крестьянский труд. Я еще помню, что меру овса (гарнец=3,28 литра, *прим. перев.*) продавали всего за две копейки и одну денежку¹⁰. Когда же цена за гарнец поднялась до пяти копеек, то чувствовали себя уже счастливыми. За каждый пуд муки, что везли в Саратов, получали 12 копеек, а за пуд пшеницы выручка составляла 18 копеек. Корову продавали за три-четыре рубля. Еще в 1801 году я продал 10 овец за 8 рублей. Можно только удивляться, какие сейчас высокие цены на скот. Первое время наши родители получали хорошие урожаи, но потом наступали и совсем неурожайные годы, что даже здешние старожилы¹¹ пекли хлеб из лебеды, чтобы сохранить свою жизнь. А так, как эта беда немцев касалась не менее, то господь направил великодушные благословленной императрицы Екатерины II, у которой по отношению к ее немцам было материнское сердце, на то, чтобы она распорядилась выдать им муку из коронных амбаров и немцы не страдали от нужды.

Наши отцы и деды прибыли из различных местностей Германии, поэтому и говоры у них были разные. Но друг с другом они ладили и обходились лучше, чем сейчас это часто наблюдается у рожденных здесь кровных родственников. Богослужение они проводили в амбарах и домах, большею частью под руководством шульмейстеров из-за нехватки проповедников, так что шульмейстеры крестили и детей. Если же приезжал проповедник и проводил с общиной Вечерю Господню, то он заодно благословлял и детей. В 1785 году Лесно-Карамышский (Grimm) приход в лице почившего достопочтенного пастора Janett, прибывшего с нашими отцами в Россию и остававшегося до конца своей жизни в Усть-Золихинском (Messer) приходе, призвал сюда благочестивого пастора Иогана Каспара Зайффарта (Johann Caspar Seyffarth), настоящего слугу божьего. Он был страстным противником крещения детей шульмейстерами и добился их прекращения. Добился он и

---

¹⁰ Полкопейки.

¹¹ Русские.

того, чтобы стало больше проповедников. Он призвал в Олешнинский приход, состоявшего тогда из 125 семей, высокопочтенного пастора Буке (Bucke), пробывшего у нас лишь пять лет и перешедшего отсюда в Екатериненштадт. Затем он призвал к нам достопочтенного пастора Карла Якоба Фрюауфа (Carl Jacob Früauf), возглавлявшего Олешнинский приход в течение 13 лет и служившего здесь с евангелической верностью без жажды к наживе, покрывая расходы даже из своего личного состояния. Он действительно из нужды перешел в Лесно-Карамышский (Grimm) приход, поскольку Олешнинский был маленьким и состоял всего из 125 семей, а от каждой семьи он получал здесь лишь по пудовке ржи, в то время, как семья его разрослась до восьми человек. Имел он в первые годы примерно 180 рублей твердого жалованья и лишь 200 рублей на проезд из Германии до Олешни для себя и своей любимой супруги. Кроме того, он был в своей должности чисто- и мягкосердечным по отношению к многочисленным детям из бедных семей, приходившими исповедоваться. Насколько я помню, он не брал от малоимущих ни денег за обряд крещения, ни прочих сборов. При своем многочисленном семействе он очень нуждался в хорошем пенсионном довольствии. Но из Лесного Карамыша его вытеснили.

В 1819 году пришел господин пастор Нааг, и Олешнинский приход получил в его лице усердного евангелиста. В то время, как я пишу эти строки, он служит здесь уже девять лет. Так как приход вырос и охватывает уже 300 семей, а проповедникам высшие инстанции повысили жалованье, то пастор Нааг обеспечен теперь лучше, чем его предшественники в Олешнинском приходе.

Я должен отметить, что у нас в Олешне слово божье до сих пор было в почете. И очень жаль, что равнодушие к этому слову ныне все более охватывает как представителей старшего, так и младшего поколения.